

У М Б · Е Р Т О

КАРТОНКИ
МИНЕРВЫ

Умберто Эко

Картонки Минервы (сборник)

«Corpus (АСТ)»

2009

УДК 821.131.1-4
ББК 84(4Ита)-4

Эко У.

Картонки Минервы (сборник) / У. Эко — «Corpus (АСТ)», 2009

ISBN 978-5-17-091017-5

Умберто Эко – самый знаменитый итальянский писатель, автор мировых бестселлеров «Имя розы» и «Маятник Фуко», специалист по семиотике, историк культуры, лингвист, лауреат крупнейших премий. Его труды переведены на сорок языков. «Картонки Минервы» – сборник публикаций в миланском журнале «Эспрессо», где профессор с 1985 года ведет еженедельную колонку. Автор говорит, что название книги связано со спичками «Минерва», которые у него всегда под рукой, а на обороте тех картонок он пишет свои стенографические заметки, откликаясь на большие и малые события в мире. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.131.1-4

ББК 84(4Ита)-4

ISBN 978-5-17-091017-5

© Эко У., 2009

© Corpus (АСТ), 2009

Содержание

Предисловие	6
Темная сторона галактики	8
О миграциях	8
Война, насилие, справедливость	10
Изгнание, Рушди, глобальная деревня	12
Сколько стоит обрушить империю?	14
Повешенье в прямом эфире, за ужином	16
New York, New York, what a beautiful town!	18
Синагога Сатаны и «Протоколы Сионских мудрецов»	20
Снова о синагоге Сатаны	22
Тело и душа	24
Политкорректность или нетерпимость?	26
Об одном процессе	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Умберто Эко

Картонки Минервы (сборник)

© RCS Libri S.p.A. – Milano, Bompiani, 1999, 2006

© М. Визель, перевод на русский язык, 2009, 2015

© А. Миролюбова, перевод на русский язык, 2008, 2015

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Издательство CORPUS ®

* * *

Предисловие

Рубрика «Картонки Минервы» с марта 1985 года появлялась в журнале «Эспрессо» еженедельно, а с марта 1988 года – раз в две недели. Некоторые «картонки», представляющие собой сатиру на современные нравы, были в 1992 году отобраны для книги «Второй мини-дневник», однако и среди исключенных, как мне кажется, есть достойные опубликования. Таким образом, задумав выборку, которая охватывала бы последнее десятилетие, я вынужден был пересмотреть около пятисот «картонок». Понятно, что около двух третей пришлось исключить.

Прежде всего были отсеяны «картонки», настолько связанные с каким-то событием, на которое я намекал в эллиптической форме, что я сам, перечитывая их через несколько лет, не мог понять, о чем идет речь. Такая тактика могла бы исключить все мои выступления на злободневные темы, но, если темы мне казались действительно важными, я брал обширные статьи из других источников, например из книги «Пять эссе на темы этики» (издательство «Бомпиани», 1997). В двух случаях я решил поместить статьи, для которых формат «картонок» оказался недостаточным и которые я опубликовал в других местах: этим объясняется появление в данном сборнике статьи, посвященной делу Соффри («Микромега» 3, 1997), и статьи, напечатанной в «Республике» во время войны в Косово.

Также я вынужден был исключить многие «картонки», посвященные памяти ушедших друзей и учителей. Их оказалось слишком много для одного десятилетия по той простой причине, что все люди смертны. Меня утешает тот факт, что этих людей помнят и будут помнить долго, независимо от моих прочувствованных некрологов.

Еще я выкинул все «картонки» (а они нравились читателям, судя по огромному количеству откликов, которые я получал), посвященные так называемым «забавам». Но многие из них я опубликовал во «Втором мини-дневнике», к тому же игры такого типа (весьма познавательные, поскольку вызвали к жизни целую школу соревнующихся между собой подражателей) уже появились в сети, на сайте Golem (www.ivistagolem.com).

Некоторые «Картонки» я не включил, сочтя их лишними, в том смысле, что год за годом я возвращался к какой-нибудь одной теме. Пару раз я слил воедино две «картонки», освещавшие одну и ту же проблему с двух сторон. И все же я пощадил несколько «скукотищ», поскольку в иных случаях возвращение к одной и той же теме означает, что данные явления или полемики раз за разом возникают в итальянских средствах массовой информации. В подобных случаях навязчивое повторение – вина не моя, а общества. Например, если каждый новый сезон вновь разгорается дискуссия о будущем книги, чувствуешь своим долгом утешить страждущие души, поскольку они никак не хотят утешиться сами, даже в свете совершенно очевидной истины.

В каких-то местах я подправил стиль, потому что «картонка» – еженедельная рубрика, а спешка ведет за собой небрежности без числа. Я устранил вступления, вводные слова и заключительные фразы, которые при повторном прочтении мне показались ненужными, и, наоборот, ввел краткие пояснения. Дело в том, что объем «картонок» предписан еженедельником, поскольку они должны заполнить последнюю страницу: если текст слишком длинный, его сокращают; если слишком короткий, к нему обязательно нужно что-нибудь добавить. Таковы условия журналистской работы. И все же должен сказать, что, сочиняя «картонки», я приобрел ценный опыт: попытаться выразить свои мысли в определенном количестве знаков – упражнение, которое я посоветовал бы любому.

Вы увидите, что во многих «картонках» речь идет не о современности. Может быть, стоит повторить то, что я уже говорил в самой первой «картонке» серии. Название рубрики связано с прямоугольными кусочками картона, к которым крепятся спички «Минерва», а еще с тем, что на обороте этих картонок часто записывают адреса, список покупок или (как это делаю я)

стенографические заметки о том, что приходит в голову в поезде, в баре, в ресторане; когда читаешь газету, смотришь на витрину, роешься на полках в книжном магазине. И я установил с самого начала, что если каким-то вечером, по причинам, которые никого не касаются, я вдруг пустился в размышления о Гомере, значит, о нем я и напишу, хотя бы его имя и не появлялось в эти дни на первых полосах газет. Как видите, я частенько так поступал, хотя и не всегда писал о Гомере.

Другое правило, которому я следовал в этой рубрике, – то, что не стоит труда писать целую статью, доказывая, что нехорошо убивать свою маму, поскольку все и так согласны, что такое поведение неправомерно. Такая статья была бы довольно демагогическим излиянием прекрасных чувств. Возможно, следует что-то написать, когда слишком многие считают, что того, кто убил свою маму, тоже нужно убить, с полного одобрения государства. Я не написал ни одной «картонки» о растлении малолетних или о скверном обыкновении бросать камни с виадука еще и потому, что предвидел: в данном номере еженедельника эти прискорбные явления будут с достаточной полнотой освещены и подвергнутся справедливому осуждению. Но когда в разных странах устраивались многолюдные марши против педофилов, мне казалось полезным прокомментировать именно это явление.

Вы увидите, что эти «картонки», несмотря на шуточный тон, почти всегда писались в порыве раздражения. Очень редко в них говорится о том, что мне нравится, и гораздо чаще – о том, что не нравится. Но в мире слишком много скверных вещей, достойных осуждения, и найдутся люди, которые тут же обвинят меня в том, что я умолчал о многом из того, что получило широкую огласку. Прошу прощения: в тот момент я отвлекся на что-то другое.

*Милан,
5 января 2000*

Темная сторона галактики *О расизме, войне и политкорректности*

О миграциях

В прошлый вторник, пока все газеты публиковали бесчисленные статьи о волнениях во Флоренции, устроенных выходцами из Северной Африки, в «Республике» появилась карикатура: два силуэта, которые изображали огромную Африку, нависающую над маленькой Италией, а рядом – Флоренция, слишком миниатюрная даже для того, чтобы отметить ее крохотной точкой (и под ней подпись: «Где полиция нужнее всего»). В это же время в «Коррьере дела сера» была представлена история климатических изменений на нашей планете, начиная с четвертого тысячелетия до нашей эры вплоть до наших дней. И из этой подборки становилось понятно, как благоприятные или неблагоприятные условия жизни на том или ином континенте постепенно приводят к миграции – масштабным переселениям народов, которые изменили лицо планеты и создали те цивилизации, о коих мы сейчас знаем из истории или благодаря собственному опыту.

Сегодня, говоря об острой для всех стран Евросоюза проблеме так называемых «внесоюзных лиц»¹ (изящный эвфемизм, который, как уже не раз подмечалось, можно также применять к швейцарским гражд данам и к техасским туристам), мы по-прежнему считаем, что речь идет именно об иммиграции. Действительно, когда несколько сотен тысяч граждан какой-то перенаселенной страны хотят перебраться на жительство в другую страну (например, итальянцы – в Австралию), это иммиграция. И вполне естественно, что принимающая страна вправе регулировать поток иммигрантов в соответствии со своими возможностями их ассимиляции. Это подразумевает также право арестовывать и высылать из страны иммигрантов-правонарушителей – точно так же, как и своих собственных граждан, если они совершают преступления, или богатых туристов, если они везут контрабанду.

Но сегодня в Европе мы имеем дело не с иммиграцией. Мы наблюдаем феномен *миграции*. Разумеется, она лишена стремительности и жестокости вторжения германских племен в Италию, Францию и Испанию, ярости арабской экспансии после Хиджры² и неторопливости неисчислимых людских потоков, когда загадочные народы из Азии перебирались в Океанию и, возможно, в обе Америки через исчезнувшие ныне сухопутные перешейки. Но это другая глава истории планеты, которая видела цивилизации, образовавшиеся и исчезнувшие на гребнях великих миграционных волн. Сначала – с Запада на Восток (но мы об этой волне очень мало знаем), потом с Востока на Запад, начиная тысячелетнее движение от истоков Инда к Геркулесовым столбам³ и потом, через четыре столетия, – от Геркулесовых столбов в Калифорнию и к Огненной Земле.

Нынче миграция не так заметна, потому что принимает обличье авиапутешествия, очереди в отдел регистрации иностранцев в муниципалитете или баржи с беженцами, пробирающимися с бедного и голодного Юга к Северу. Она напоминает иммиграцию, но это именно миграция – исторический процесс, значение которого сейчас невозможно оценить.

¹ «Внесоюзные лица» – не принадлежащие к странам Европейского Союза – так в Италии называют иммигрантов. (Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев, прим. перев.)

² Хиджра (переселение; араб.) – бегство Мухаммеда и его приверженцев из Мекки в Ясриб (Медину) в сентябре 622 г. (датируется по юлианскому календарю), после чего началась активная проповедь мусульманства с последующим объединением вокруг Мухаммеда многочисленных разрозненных племен. С «года Хиджры» ведется мусульманское летосчисление.

³ Геркулесовы столбы – скалы, обрамляющие Гибралтарский пролив.

Это не перемещение огромных орд, после которых не растет трава там, где ступали копыта их коней, а переход отдельными незаметными группками, что занимает не столетия и тысячелетия, а десятилетия. И, как во всех великих переселениях, результатами его окажутся этническая встряска территорий, неизбежная смена обычаев, непрекращающееся перемешивание, которое изменит цвет кожи, волос, глаз местных жителей так, что это будет заметно статистически, – подобно тому, как благодаря немногочисленным норманнам на Сицилии укоренились блондины с голубыми глазами.

Великие миграции, по крайней мере в исторические времена, ужасают; поначалу, стремясь остановить миграцию, римские императоры возводили одно *vallum* (укрепление) за другим, посылая вперед легионы для покорения оказавшихся поблизости чужеземцев; потом, придя к согласию, упорядочивали первые законы, распространяя римское гражданство на всех подданных империи; однако с падением римского владычества в конце концов образовались так называемые романо-варварские королевства, которые дали начало нашим европейским странам, языкам, на которых мы сейчас с гордостью говорим, нашим политическим и общественным институтам. Встречая на ломбардской автостраде деревушки, носящие названия Узмате, Бьяндрате, мы даже не отдаем себе отчет в том, что эти окончания – лангобардские. С другой стороны, откуда взялись эти совершенно этрусские улыбки – их до сих пор можно увидеть на стольких лицах в Центральной Италии?

Великие миграции неостановимы. И надо просто приготовиться к жизни на новом витке афроевропейской культуры.

1990

Война, насилие, справедливость

Бывают ли справедливые войны? Дискуссия на эту тему, смущающая умы вот уже две недели⁴, осложнена неточностью определений. Точно так же мы могли бы обсуждать, что тяжелее: две параллельные прямые или один квадратный корень. Чтобы понять, в чем суть вопроса, попробую его переформулировать. Будем считать, что насилие – это зло. Но бывают ли случаи, когда насильственные действия оправданны? Понятно, что «оправданны» не значит «хороши и желательны». Биологически отрезать ногу нежелательно, но в случае гангрены это становится оправданно.

Даже убежденные непротивленцы признают, что насилие бывает допустимым; в конце концов, даже Иисус, изгоняя торгующих из храма, повел себя несколько грубо. Не только религии, но и природная этика подсказывает, что, если кто-то покушается на нас, на наших близких или просто на невинного и незащищенного, вполне естественно отвечать насильственным образом – пока опасность не будет устранена. И поэтому, когда провозглашают, будто сопротивление – это оправданная форма насилия, подразумевается, что, оказавшись лицом к лицу с постоянными репрессиями и невыносимой тиранией, народ имеет право на восстание. Не вызывает также сомнений, что перед лицом агрессии одного диктатора все мировое сообщество также вправе отреагировать насильственным образом.

Проблема возникает со словом «война». Это проблема такого же рода, как и со словом «атом». Им пользовалась греческая философия, и им пользуется современная физика, но в двух разных смыслах: когда-то им обозначали невидимую частичку, а теперь – совокупность элементарных частиц. Тот, кто станет читать Демокрита, применяя термины из ядерной физики, ничего не поймет. И наоборот. Далее: кроме того, что в обоих случаях гибли люди, обнаружится мало общего между Пуническими войнами⁵ и Второй мировой войной. А к середине XX века война стала событием, которое по размеру охваченной территории, возможностям управления, вовлеченности народов в других частях света имеет мало общего с наполеоновскими кампаниями. Короче говоря, если в прошлом ответная, оправданная реакция на действия провокатора могла принимать вид открытых боевых действий, то сейчас возможна ситуация, когда боевые действия – это форма насилия, которая не осадит обидчика, а, наоборот, подхлестнет его.

Последние сорок пять лет мы наблюдали другую форму сдерживания предполагаемого противника (я использую обтекаемые термины, потому что они могут относиться и к США, и к СССР) – холодную войну. Ужасная, несправедливая, полная скрытых угроз, лишь местами вырывавшихся на поверхность, она исходила из той концепции, что открытая война не даст никакого преимущества «хорошей» стороне. Холодная война стала первым случаем, когда мир осознал, что само понятие «войны» изменилось и что современная война не имеет ничего общего с классическими конфликтами, когда с одной стороны в конце концов оказываются проигравшие, а с другой – победители (не считая таких редких случаев, как Пиррова победа). Если бы меня спросили месяц назад, в какой форме оправданные ответные шаги могли бы заменить открытые боевые действия в случае с Саддамом, – я бы ответил: *холодное* сдерживание, причем очень серьезное, даже жестокое – вплоть до пограничных стычек, и с такой системой контроля (и соответствующей правовой базой), чтобы любой западный торговец, который продаст Саддаму хоть один гвоздь, угодил бы в тюрьму. И за год его оборонительные и наступательные технологии придут в полную негодность. Но что толку думать о вчерашнем дне.

⁴ Имеются в виду две недели с 17 января 1991 года, когда началась «Война в заливе».

⁵ Пунические войны – три войны (264–146 до н. э.) между Римом и Карфагеном.

Однако же мысли о завтрашнем дне и просто повседневные размышления подсказывают нам: если кто-то нападает на тебя с ножом, ты имеешь полное право ответить ударом кулака. Но если ты Супермен и знаешь, что твоя затрещина швырнет противника на Луну, и тогда наш спутник сойдет со своей орбиты, что нарушит гравитационное равновесие: Марс врежется в Меркурий и так далее, – задумайся на мгновение. И еще подумай и о том, что, возможно, гибель Солнечной системы – как раз то, чего добивался твой противник. А ты ему не должен это позволить.

1991

Изгнание, Рушди, глобальная деревня

Не знаю, существуют ли исследования по социальной истории преследуемых людей. Не преследования и нетерпимости как таковых – такие уже есть (как, например, неплохая книга Итало Мереу⁶), а разбор роли и участия преследуемого в глазах общества. Не того, кто умер под ударами преследователей, а того, кто сумел ускользнуть, выбрав жизнь в изгнании.

В прошлом истории изгнания, как правило, были полны горестей и унижений. Ведь даже Данте, один из тех, к кому, в конце концов, неплохо относились за пределами родной Флоренции, тем не менее познал, «как горестен устам чужой ломоть»⁷. Такие личности, как Джордано Бруно, прежде чем их схватили враги, пользовались огромным уважением на чужбине, но всегда находились люди, готовые возвести на них хулы и подстроить ловушку. Не говоря уж о Мадзини⁸, который, и без того склонный к меланхолии, в эмиграции всегда мрачнел еще больше.

В XX веке судьба изгнанника начала меняться к лучшему. С одной стороны, он стал приобретать мрачное, бунтарское очарование проклятого поэта, порочного эстета. Вплоть до конца XIX века к таким персонажам относились плохо, вытесняя их на мансарды и обрекая на чухотку, однако в следующем столетии они оказались ценным товаром: их стали принимать в приличных домах и в культурных институциях, приглашать на званые ужины, устраивать для них круизы и конгрессы, цель которых – исследовать закономерности бунтарства. С другой стороны, развитие демократии привело к тому, что все стали поддерживать изгнанников и оказывать им знаки внимания – этим живым символам борьбы с деспотизмом. И так вышло, что в XX веке положение тех, кто бежал по религиозным или политическим убеждениям, стало в конце концов если не приятным (оставим в стороне приступы ностальгии по далекой родине), то, во всяком случае, сносным. А кое для кого весьма выгодным – изображая преследуемого, даже не будучи им, можно было рассчитывать на материальную помощь от какой-нибудь спецслужбы.

Начать стоит с бежавших от революции русских великих князей. Хоть им и случалось работать танцовщиками в парижских кабаре, их хорошо принимали, и они пользовались достаточным вниманием дам, которые хотели облагородить свои капиталы. Не будем говорить о кубинцах в Майами (вот где вечный праздник!), достаточно вспомнить, как в 60–80-е годы длилась бесконечная вечеринка политэмигрантов – сначала чехословацких, потом чилийских, потом аргентинских, а позже авторов самиздата и т. д. и т. п. – в соответствии с сезонными приливами энтузиазма (и охлаждения), спровоцированными разнообразными переворотами, революциями, сменами парадигмы.

Все закончилось с делом Рушди. Оно продемонстрировало следующее: благодаря тому, что СМИ могут сейчас же раструбить на весь мир, что Рушди приговорен к смерти и что на этой планете больше не осталось места для изгнанника. Это что-то новое. Не то что мы возвращаемся от позолоченного изгнания, характерного для XX века, к мучительному изгнанию прошлых веков. Просто-напросто больше некуда скрыться. Где бы ты ни был – ты на враждебной территории.

Можно привести банальное сравнение с необитаемым островом. В мире больше не осталось таких позабытых, не испорченных туризмом мест, куда можно было бы удалиться и спокойно отдохнуть. На самом отдаленном атолле найдутся какие-нибудь организованные «отды-

⁶ Итало Мереу (1921–2009) – итальянский философ, автор книги «История нетерпимости в Европе» (*Storia dell'intolleranza in Europa*, 1979).

⁷ Данте Алигьери, «Божественная комедия», «Рай», XVII, 58–59, перевод М. Лозинского.

⁸ Джузеппе Мадзини (1805–1872) – политик, революционер, один из вдохновителей объединения Италии. Провел в эмиграции во Франции и в Великобритании свыше 20 лет.

хающие», прибывшие charterным рейсом. И точно так же, только это уже не столь комично, в любой точке земного шара тебя может поджидать потенциальный убийца. А приказ уничтожить тебя передадут по сотовому телефону или в виде закодированного послания, невинного на первый взгляд, во время телевикторины.

Слова, казавшиеся некогда просто шуткой: «Остановите Землю, я слезу», звучат сейчас отчаянной мольбой, обреченной пропадать втуне. Как раз такую ситуацию Маклюэн называл «глобальной деревней». Но глобальной – не потому, что электронные средства коммуникации дают пользователям возможность полюбить и возжелать то же, что любят и желают их антиподы, отделенные от них тысячами и тысячами километров. Для многих такая стандартизация оказалась источником удовлетворенности и внутреннего покоя. И не потому, что теперь все стали нашими ближними. Глобальной она стала потому, что где угодно может возникнуть лицо врага, который совсем не является твоим ближним, желает совсем не того, чего желаешь ты, и совсем не расположен подставлять тебе вторую щеку, потому что метит прямо в сердце.

И нельзя слезть, нельзя остановить представление. Больше невозможно «уехать в деревню»: она стала настолько глобальной, что даже не получится больше показать врагу пятки, удирая от него по прямой. Об этом быстро сообщат другому, и он двинется тебе навстречу, огибая глобус.

1992

Сколько стоит обрушить империю?

В эти печальные дни, когда я читаю о жестокостях, творящихся на Балканском полуострове⁹, я вспоминаю свой разговор с Жаком Ле Гоффом¹⁰ вскоре после падения Берлинской стены¹¹. Уже чувствовалось, что советская империя крошится, хотя тогда трудно было предвидеть, как быстро все произойдет (возможно, благодаря глупому путчу в прошлом августе).

Ле Гофф начал тогда распределять темы и подбирать участников для серии книг по истории Европы, которые должны были выйти в четырех или пяти европейских издательствах¹², и по этому случаю я предложил ему заказать книгу о цене падения империй. Вероятно, он кому-то это поручил, не знаю кому, но главное тогда было понять – во что обходилось падение империй в прошлом, чтобы прикинуть, какова была цена краха империи советской. Теперь, я думаю, пришло время не прикидок, а прямых сравнений.

Империя – всегда вещь стягивающая и ограничивающая: это как крышка, прижатая к бурлящему котлу. В какой-то момент внутреннее давление становится слишком большим, крышка слетает, и происходит что-то вроде извержения вулкана. Я не хочу сказать, что, если бы крышка не слетела, было бы лучше; но ведь обычно она слетает по термодинамическим законам, а в физике нет ничего нравственного или безнравственного. Я говорю только, что, пока она не соскочила, соблюдается порядок, а когда это произошло – приходится платить: все имеет свою цену.

Падение Римской империи породило кризис в Европе, который продолжался, по крайней мере, шесть веков. В сущности, влияние этого долгого падения было заметно и в последующие века, и, возможно, то, что происходит сейчас на Балканах (православный Восток против католического Запада), – это все еще его отголоски. И если сегодня в Колумбии и в Перу происходит то, что происходит, и Латинская Америка не в состоянии поднять голос против Соединенных Штатов, – это всё еще последствия очень медленного распада испанской колониальной империи. Что уж говорить о медленном развале турецко-османской империи – Ближний Восток до сих пор за него расплачивается. Цену разрушения колониальной Британской империи не решусь даже прикинуть, а объединенная Италия возникла в результате падения недолговечной наполеоновской империи.

От вскрытия удивительного австро-венгерского котла родились по меньшей мере нацизм, Вторая мировая война и конфликт на Балканах – в очередной раз. (Но там произошло падение по меньшей мере пяти империй: Римской, Византийской, Османской, Каканской¹³ и советской.)

Таким образом, когда обрушивается империя, последствия делятся веками. Что же касается исчезновения советской империи, – нет необходимости указывать на основные результаты этого события: конфликтный (хотя и объяснимый) распад государств во всей Восточной Европе; серьезные проблемы объединенной Германии; драмы армян и грузин; проблем

⁹ Имеется в виду Боснийская война 1992–1995 гг., острый межэтнический конфликт между вооруженными формированиями сербов и мусульмано-хорватской федерации, разгоревшийся на территории Республики Босния и Герцеговина сразу после ее отделения от Югославии и сопровождавшийся массовыми жестокостями в отношении мирного населения с обеих сторон. Общее число убитых составило около 200 000 человек.

¹⁰ Жак Ле Гофф (1924–2014) – выдающийся французский историк, принадлежащий к «Школе анналов», автор многочисленных трудов по истории средневековой Европы.

¹¹ Падение Берлинской стены – 9 ноября 1989 года.

¹² Имеется в виду серия «Становление Европы», для которой сам Эко написал книгу «Поиски совершенного языка в европейской культуре».

¹³ Какания – ироническое название Австро-Венгрии (от официальной австрийской аббревиатуры «К. и К.»: *kaiserlich und königlich* – «кайзеровский и королевский»).

Буша – ведь сплетни о его любовнице Дженнифер¹⁴ появились только потому, что ему больше не нужно было противостоять Империи зла. Если вернуться к итальянским баранам, то и у нас окажется то же самое: кризис социалистической партии, бывших коммунистов, христианских демократов, прекращение действия пакта о ненападении между правительством и мафией¹⁵ (пакт заключен после высадки союзных войск на Сицилии) – и новые сотрясения воздуха во всем мире по поводу того, что мафия не может больше жить спокойно, пользуясь поддержкой властей, которые ранее оправдывались борьбой с коммунизмом. Словом, все то, что происходит в нашей злосчастной стране, связано с падением советской империи в такой же степени, как и затруднения начинающего политика Гавела¹⁶. Даже в «Северной лиге»¹⁷ падение советской империи аукается в равной степени и в хорватских уставах, и в сербском геноциде, и в отделении Словакии.

Цену падения империи стоит знать не для того, чтобы умалить значение этого события. А для того, чтобы предвидеть будущие несчастья. История не повторяется всегда одинаково, и даже нельзя сказать, что в первый раз она повторяется как трагедия, а во второй – как фарс. История всегда разворачивается как трагедия, в разных ее проявлениях. Но существуют определенные законы, определенные принципы действия-противодействия. Историография, основываясь на этих принципах, все еще остается *magistra vitae*¹⁸ – в самом научном, а совсем не в риторическом смысле.

1992

¹⁴ Речь идет о многолетней помощнице Джорджа Буша-старшего, дипломате Дженнифер Фитцджеральд (р. 1932). Их любовная связь тянулась якобы с середины 70-х годов (оба это категорически отрицали), вызывая как неурядицы в семье Буша, так и резкую критику его сотрудников, недовольных возросшим влиянием рядовой сотрудницы. Впервые об этой связи было упомянуто в 1992 г. в журнале «Спу».

¹⁵ 17 февраля 1992 г. арестом президента уважаемой благотворительной организации было положено начало широкомасштабной кампании по искоренению коррупции и мафиозных связей в высших эшелонах власти.

¹⁶ Единодушно избранный президентом Чехословакии решением Федеральной ассамблеи в декабре 1989 г., Вацлав Гавел не смог получить вотум доверия в парламенте 2 июля 1992 г. (против него проголосовали словацкие депутаты) и 20 июля того же года был вынужден подать в отставку после того, как Словакия объявила о своей независимости.

¹⁷ «Северная лига» (Lega Nord) – сепаратистское движение в Италии, ратующее за отделение «индустриально развитого» Севера от «отсталого» Юга и создание «Республики Падания» со столицей в Милане (см. колонку «Хроники 2090 года»). Создана «Северная лига» в 1991-м, в 1992-м прошла в парламент.

¹⁸ Учительницей жизни (*лат.*).

Повешенье в прямом эфире, за ужином

Мне очень жаль, что компетентные органы не дали разрешения на трансляцию последней в США казни через повешенье по телевидению. Более того: приговоренного следовало казнить в восемь вечера по времени Восточного побережья, чтобы в Нью-Йорке можно было смотреть прямо за ужином, на Среднем Западе (где садятся за стол очень рано) – после ужина, устроившись с пивом у телевизора, а в Калифорнии – посасывая «дайкири» на бортике бассейна. Для нас, поскольку здесь будет уже глубокая ночь, следовало бы повторить этот сюжет в выпуске новостей на следующий вечер.

Очень важно, чтобы зрители сидели за столом: треск ломающейся шеи, шумы в брюшной полости и непродолжительное сучение ногами должны хорошо сочетаться с глотательными движениями (зрителей, я имею в виду). Электрический стул следует настроить таким образом, чтобы осужденный пошкворчал хотя несколько секунд, – может статься, это совпадет со шкворчанием яичницы на кухне. В случае с газом спектакль гарантирован: осужденному говорят медленно и глубоко вдохнуть, что уже само по себе очень телегенично; потом – хрипы. Инъекция менее желательна, теряется вся прелесть прямого телеэфира, она больше подходит для радио.

Я понимаю, что мое предложение не вызовет энтузиазма, особенно сейчас, когда итальянский «Дисней» потребовал от своих сценаристов выбросить реплику дядюшки Скруджа, будто он хочет задушить Дональда Дакка, ибо она может восприниматься как призыв к насилию. Ужасно, что в погоне за кассой снимаются фильмы, где персонажей расстреливают из автоматов в астрономических количествах, так что мозг разлетается на куски, а кровь льется ручьем. Но необходимо делать различие между вымыслом, способным смутить невинных (или спровоцировать неправильное поведение слабых духом), и теленовостями.

В отношении смертной казни весь мир разделился на две категории: тех, кто ее осуждает (как я), и тех, кто признаёт ее необходимость. Те, кто осуждает, могут не включать телевизор, раз уж чувствуют слабость в желудке, когда видят на экране смертную казнь. Но им следует, по крайней мере, разделить каким-то образом общую скорбь. Если в этот час убивают человека, всем надо как-то выразить свое участие – или просто молитвой, или чтением вслух Паскаля в кругу семьи. Следует понимать, что в этот вечер творится бесчестье. Наблюдающие за этим варварством будут чувствовать себя в каком-то смысле более вовлеченными в его осуждение, а не просто ограничиваться заявлениями своего несогласия, – подобно тому, как вид на экране истощенного африканского ребенка доводит проблему голода в Африке до всеобщего сведения. Однако есть и те, кто поддерживает высшую меру. Они тоже должны смотреть. Предвижу возражения: я могу считать, что оперировать аппендицит – это хорошо, но, пожалуйста, увольте меня от этого зрелища во время ужина. Ведь смертная казнь – это другой вопрос, это не операция, с которой все согласны. Это вопрос смысла, ценности человеческой жизни, вопрос справедливости. Так что не надо пускаться в рассуждения. Если ты лично за смертную казнь, то должен быть готовым увидеть осужденного, который сучит ногами, отрывает, пускает пену, хрипит, кашляет и отдает Богу душу. В прошлом люди были честнее: они покупали билеты на экзекуцию и радовались как сумасшедшие. Вот и ты, готовый отстаивать высшую справедливость смертной казни, должен «радоваться»: закусывая, выпивая, делая все, что в голову придет, – но ты не можешь делать вид, что ее не существует, раз уж поддерживаешь ее легитимность.

Мне скажут: «А как же насчет права на аборт?» Ну и что? Новый катехизис допускает, что то или иное государство может узаконить смертную казнь. Он также говорит, что не следует делать аборты, то есть их не следует делать преднамеренно. Если же выкидыш произойдет от зрелища, как кто-то дыгает ногами в пустоте, – это не грех.

1993

New York, New York, what a beautiful town!

Есть множество зарубежных городов, которые я очень люблю и в которые всегда рад возвращаться: например, Барселона или Амстердам. Но когда меня спрашивают, в каком я мог бы жить – то есть жить всегда, сделать его своим домом, – мой выбор всегда колеблется между Парижем и Нью-Йорком. Не только потому, что речь идет о двух прекрасных городах, но, чтобы решить: «Я умру в этом городе», надо быть уверенным, что тебя в нем никогда не будет мучить ностальгия. Так вот, в этих двух городах никакая ностальгия невозможна. О чем грустить, если всё здесь? Ты чувствуешь себя в центре мира, даже если сидишь взаперти. А если выходишь, тебе не нужно никакой цели: шагаешь, шагаешь и все время видишь что-то новое.

«New York, New York, what a beautiful town, – поется в песенке, – The Bronx is up and the Battery is down»¹⁹. Нью-Йорк грязен, неорганизован; здесь никогда нельзя быть уверенным, существует ли еще ресторанчик, который тебе приглянулся на прошлой неделе, потому что за это время могли снести дом или весь квартал; тебя могут неожиданно пырнуть ножом (но не на каждом перекрестке; что хорошо в Нью-Йорке – так это то, что здесь, по крайней мере, известны улицы, где тебя вряд ли пырнут). Небо тут упоительно голубое, ветер бодрит, небоскребы блистают ослепительнее и благороднее Парфенона, и какое бы сооружение ни поместить в эту рамку – оно покажется прекрасным. Уже говорилось неоднократно, что жизнь здесь напоминает джемсейшн. Импровизация и спонтанность порождают порядок и гармонию. Даже ужасное в Нью-Йорке восхитительно. Что же говорить о прекрасном!

Если хорошо знаешь город, то понимаешь: сворачивая за угол, ты всякий раз попадаешь в другой мир. Там были одни корейцы, а тут – одни поляки, сначала торгуют только часами, а после – только цветами. В какой-то момент улица окажется полна евреев-ортодоксов в черных шляпах, с бородой и пейсами, а две минуты спустя эта кипящая толпа шагаловских персонажей полностью исчезает, но если ты знаешь правильные *Delicatessen*²⁰ – они все окажутся там. Еще десять минут прогулки – и ты на краю Центрального парка, где ребята из Джульярдской музыкальной школы устроили концерт барочной музыки. Пройдешь еще немного – и можешь рыться в развалах старых книг, спуститься на две ступеньки – и можешь покормить белочек на берегу озера, окруженного небоскребами в форме луарских замков. Это город насилия – и это город терпимости. Он собирает всех, некоторых бросает умирать, других делает счастливыми, не лезет в частную жизнь ни тех, ни других. Поэтому он идеален для миллионера, но и для бродяги тоже. Однажды был проделан такой эксперимент: человека с ног до головы обрядили в средневековые доспехи и оставили в телефонной будке. Через десять минут кто-то нетерпеливо застучал по стеклу – но лишь потому, что воин слишком долго занимал телефон; что же до остального, то он мог вырядиться так или эдак, это никого не касалось. Его личное дело. Нью-Йорк – полихромный город: в нем встречаются все цвета. В общем, Нью-Йорк – это чудо. Или, точнее, был им. Я не могу сказать, что больше никогда сюда не вернусь, ибо меня часто призывают сюда неотменяемые профессиональные обязанности, но, определенно, я буду стараться возвращаться сюда как можно реже: в штате Нью-Йорк восстановили смертную казнь.

Как можно жить в городе, где для того, чтобы объяснить, что убивать нельзя, – убивают? Где, чтобы отвлечь кого-нибудь от мысли воткнуть мне нож в живот, меня подвергают

¹⁹ «Нью-Йорк, Нью-Йорк, какой прекрасный город... с одного конца Бронкс, а с другого – Бэттери» (*англ.*). – Песня из мюзикла «On The Town» («Увольнение на берег»), музыка Леонарда Бернстайна, слова Бетти Комден и Адольфа Грина; впервые поставлен на Бродвее в 1944 г., экранизирован в 1949-м.

²⁰ *Delicatessen* – недорогая закусочная. Первые забегаловки такого типа открывали евреи-эмигранты в начале XX в., откуда и взялось их немецко-идишское название (которое обычно сокращают просто до Deli).

рisku, а непредвиденная судебная ошибка позволит сделать мне смертельную инъекцию в руку или еще куда-нибудь? Как я могу еще считать жизнелюбивым город, которому предстоит жить в тени узаконенной смерти? Видеть в каждом встречном потенциальный труп да еще и знать, что большинство из них счастливы до безумия от такой перспективы, потому что они голосовали за тех, кто не остановился перед убийством.

Нью-Йорк – город, так щедро одаренный чувством свободы, что, возможно, что-нибудь и изменится. Хотя он свыкся уже с запахом своих живописных мешков мусора, которые не убираются, он отреагирует на этот смертельный тлен и не смирится с тем, что лик статуи Свободы выглядит как погребальная маска. Но пока что дело обстоит именно так²¹.

Какая жалость. «New York, New York, what a terrible town! The Bronx, The Park and the Battery are down!»²²

1995

²¹ Смертная казнь в США была отменена в 1976 г. и восстановлена в штате Нью-Йорк в 1995-м. Но в 2004-м Апелляционный суд штата признал ее неконституционной и приостановил ее исполнение. С того времени вокруг возможности применения смертной казни (формально не отмененной) идет ожесточенная юридическая борьба. Впрочем, с момента ее формального восстановления реально смертная казнь в штате ни разу применена не была.

²² «Нью-Йорк, Нью-Йорк, что за жуткий город: Бронкс, Центральный парк и Бэттери погибли» (англ.).

Синагога Сатаны и «Протоколы Сионских мудрецов»

Я искренне восхищаюсь кардиналом Паппалардо²³, его справедливой, благородной, страстной борьбой. Я считаю, что когда он, обличая преступников, употребил выражение «синагога Сатаны», то в виду имелось расхожее выражение с совершенно определенным риторическим смыслом. И все же осталась некоторая неловкость, и вполне естественно, что итальянская еврейская община почувствовала обиду.

Почему на ум приходит непременно синагога Сатаны, а не собор Сатаны и не храм беса? Выражение имеет свою историю. Я прочел в газетах, будто бы кто-то сказал, что это выражение происходит из «Протоколов Сионских мудрецов», этой, как известно, Библии антисемитизма и настольной книги Гитлера. Это неверно: в «Протоколах» есть фразы и похуже, но только не такие – речи написаны от лица самих евреев, а значит, ради вящего правдоподобия фальшивки, богоизбранный народ никак не мог связать себя с Сатаной. Разве только русский издатель «Протоколов» Сергей Нилус, комментируя памфлет в 1905 году, говорит, что торжествующий царь Израиля, то есть Антихрист, завоевывает мировое господство, используя «всю мощь, весь ужас Сатаны».

То, что евреи заключили договор с нечистой силой, а значит, и Сатана, и грядущий Антихрист явно отдали бы предпочтение синагоге, – мысль не новая: ее выпестовал традиционный антисемитизм, и она появляется во множестве средневековых текстов. Но формулировка «синагога Сатаны» типична для антисемитизма XIX века.

В 1797 году аббат Баррюэль написал «Мемуары к истории якобинства», где показал, что Французская революция была заговором тамплиеров и масонов, к которому принадлежали Вольтер, Дидро, Тюрго, Кондорсе, д'Аламбер и Гольбах. Евреев Баррюэль не упоминал, но чуть позже некий капитан Симонини поставил ему на вид, что за кулисами стояли именно коварные иудеи, подхватившие традицию Горного Старца²⁴ (который, кстати сказать, был вообще мусульманин). С этого момента и начинается широкое, в международном масштабе, обсуждение еврейского интернационала как подстрекателя всех революций. В 1868 году прусский реакционер Герман Гедше написал под псевдонимом Джон Ретклифф роман «Биарриц», где изображается, как представители двенадцати колен Израилевых встречаются ночью на кладбище в Праге и сговариваются захватить власть над миром. Чуть позже отрывок из этого повествования появляется как подлинный документ, якобы попавший в руки английского дипломата Джона Рэдклиффа, а в книге Бурнана («Иудеи, наши современники», 1881) подрывная речь приписывается главному раввину Джону Рэдклифу, на этот раз через одно «ф». Фальшивку подхватывает «Ревю дез этюд жуиф», и через длинный ряд подложных документов она наконец ложится в основу так называемых «Протоколов».

В католическом лагере эта идея несколько раз появляется в работах Гугено де Муссо²⁵, особенно в книге «Евреи, иудаизм и иудаизация христианских народов» (1869), и автор получает особое благословение Пия IX. А термин, о котором мы говорим, вошел в обиход после появления в 1893 году книги «Франкмасонство – синагога Сатаны», которую написал монсеньор Мёрин, иезуит, архиепископ Порт-Луи на Маврикии. В обширном, более пятисот страниц, труде прелат ударяется в углубленный анализ еврейской каббалы, связывает ее с традицией гностиков и манихеев, с тамплиерами и наконец с рождением масонства, которое якобы

²³ Кардинал Сальваторе Паппалардо (1918–2007) – архиепископ Палермо, выступавший против мафии.

²⁴ Горный Старец – глава раннесредневековой мусульманской секты хашишинов (асасинов), часто называемых террористами Средневековья.

²⁵ Роже Гугено де Муссо (1805–1878) – французский журналист и писатель.

тоже выдумали евреи. Он долго рассказывает о том, как Сатана являлся в ложе; показывает тесную связь между масонскими ступенями и еврейской мистикой.

То, как эта тема переходит из немецких и русских реакционных кругов в публицистику французских и итальянских иезуитов и к французским крайне правым кругам, опираясь на один и тот же весьма ограниченный набор апокрифов, детально воссоздано в книге, которую всем нам следовало бы прочесть: «Лицензия на геноцид» Нормана Кона²⁶. Кон, разумеется, разоблачает блеф, но другие авторы используют те же самые элементы для воссоздания мифа. Большой популярностью пользовалась изданная в 1924 году книга некой Несты Уэбстер «Тайные общества и подрывные движения», где свалены в одну кучу масонство, социализм, большевизм и еврейская угроза (тем же приемом пользовалась и нацистская пропаганда).

И наконец, выражение «синагога Сатаны» широко применялось в католических легитимистских кругах XIX века и даже одушевляло романтическую, народническую тенденцию (вспомним отца Брешиани²⁷), плоды которой пылятся в библиотеках епископских семинарий. Это – готовая фраза, за ней тянется запашок ее происхождения, даже если ее и употребляют в страстной проповеди, имея самые благие намерения.

1992

²⁶ Норман Кон (1915–2007) – английский историк и писатель.

²⁷ Антонио Брешиани (1798–1862) – итальянский литератор, иезуит. Его стиль считается образцом церковной риторики того времени.

Снова о синагоге Сатаны

Профессор Пьетро де Лео, которым я особенно восхищаюсь за его прекрасное исследование о средневековых фальшивках, пишет в «Эспрессо», что в моей последней «картонке» о синагоге Сатаны я приписал это выражение реакционной публицистике XIX века или, по крайней мере, связал его с полемиками между Отцами Церкви и средневековыми теологами, в то время как оно происходит из Откровения св. Иоанна (2:9). Верно. Однако в тот момент, когда я писал, все газеты ссылались на Откровение как на очевидный источник. Потом кто-то вспомнил, что фразу использовали в «Протоколах Сионских мудрецов», и я включился в дискуссию с этого места. Кроме того, мне казалось тогда и кажется сейчас, что для кардинала было бы более лестно, если бы мы сочли, будто эта фраза застряла у него в голове как штамп старой церковной риторики, а не как цитата из Нового Завета.

Де Лео, однако же, полагает, что, поскольку в греческом языке, на котором писал Иоанн, слово «синагога» означало стечение людей или тайное собрание, «во время богослужения нельзя было точнее поименовать мафию, не нарушив при этом благочиния». Я вовсе не думаю, что, приписав кардиналу эту прямую цитату, мы окажем ему добрую услугу. Отрывок из Иоанна звучит так: «...знаю твои дела, и скорбь, и нищету... и злословие от тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, а они не таковы, но собрание сатанинское». Пьетро Россано (переводчик Священного Писания на итальянский язык) объясняет, что те, которые говорят о себе, что они иудеи, а они не таковы, именно и есть евреи, ибо Иоанн считает истинными израильтянами только христиан. Вот почему этот отрывок из Откровения прочитывается в русле антииудаистской полемики.

Разумеется, Иоанн, который, между прочим, тоже был иудеем, имел полное право полемизировать со своими бывшими единоверцами, не признавшими Мессию. В конечном итоге он хотел сказать, что Ветхий Завет пресуществляется только в Новом, и все христианство основано на этом утверждении. Если ты христианин, то обязан думать так, и мир всему миру. Николай Кузанский, который так горячо желал слияния вер, однажды пообещал евреям, что если они признают свою ошибку, то Церковь за это велит всем христианам обрезать уши. Это – прекрасное, исполненное страсти обращение, в нем горит священный огонь борьбы за примирение вер, и, если отвлечься от организационно-экологической проблемы: куда девать крайнюю плоть в таких космических количествах – шутка ли, сотни миллионов мужчин, – идея Кузанского представляет собой великолепный образец попытки срастить две ветви, имеющие общий корень.

Но, сколь бы ни были чисты намерения Иоанна, мы знаем, что данное расхождение насчет Иисуса как истинного Мессии превратилось с течением веков в этнический предрассудок и (нелишне будет вспомнить) в практику преследования. Этому способствовали апокрифические Откровения, где говорится, что Антихрист родится среди иудеев (Псевдо-Ипполит). Из многих подобных миллениаристских текстов, где описываются чудовищные черты Антихриста, и берет начало антисемитская иконография, которую мы затем обнаружим в нацистских манифестах.

К сожалению, значение слов изменяется с течением времени. «Имбецил» первоначально значило «слабый, без посоха» (хотя Девото и ставит под сомнение данную этимологию), и в таком смысле это слово употребляли еще Данте и Чекко д'Асколи²⁸. Но если кто-то сегодня обзовет имбецилом почтенного господина, который ходит с трудом, то он по всей справедливости получит повестку в суд. Ведь общеизвестно, гласит этимологический словарь Корте-

²⁸ Чекко д'Асколи, он же Франческо Стабили (1269–1327) – современник и друг Данте, автор поэмы «Горечь жизни», в которой он полемизировал с концепцией «Божественной комедии»; за свою поэму был сожжен на костре.

ладзо-Дзолли, что это слово окончательно приобрело пренебрежительный оттенок с тех пор, как Эскироль²⁹ стал употреблять его в качестве психиатрического термина.

То же самое случилось и с «синагогой»: пускай этимологически это слово значит собрание и стечение людей, а метафорически – тайное сборище; очень быстро оно приобретает совершенно конкретный смысл, а именно еврейский храм; по метонимии распространяется на иудаизм вообще, а под влиянием народного антисемитизма указывает на «смятение, сутолоку, шум и гам» (смотри «Универсальный словарь итальянской лексики» Девото Оли, Дзингарелли и т. д.).

А раз дело обстоит так, было неизбежно, что в полемиках, какие устраивала реакционная публицистика XIX века (и далее), это слово еще более обросло негативными коннотациями, и мне показалось небесполезным проследить исторический путь «синагоги Сатаны» вплоть до нашего века. Увы, слова означают то, что вложила в них история, иначе готическими были бы только готы, а не Миланский собор.

Разве что мы уговоримся понимать под «синагогой» род ракообразных (я только сейчас вычитал это в словаре). Тогда евреи умолкнут. Но мафия-то тут при чем?

1992

²⁹ Жан-Этьен-Доменик Эскироль (1772–1840) – французский психиатр.

Тело и душа

Недавно меня попросили дать определение того, что значит для меня Нетерпимость, и я задумался об ответе, который был бы приемлемым для человека любой идеологии и вероисповедания. Поэтому я ограничился пределами тела (своего, разумеется, но и прежде всего чужого). Мы говорим, слушаем, ходим, едим и пьем, стоим или лежим, отправляем свои нужды, соединяемся для удовольствия и по собственному выбору с другими телами, спим. Мешать кому-нибудь спать, подвешивать его головой вниз, заставлять жить среди собственных испражнений, не давать ему говорить или слушать, что говорят другие, истязать, убивать – это плохо. Думаю, что эта элементарная база универсальной этики одинаково приемлема и для атеиста, и для верующего.

Чезаре Каваллери³⁰ посвятил этому моему заявлению две статьи (в «Эко ди Бергамо»³¹ и «Аввенире»), сокрушаясь, что я толкую о теле, а не о душе, демонстрируя таким образом свою «мирскую» сущность (что один польский священник считал некогда просто неприличным). Каваллери игнорирует, что для ангелического доктора из Аквино³² способности души (*nobis ignotae*³³) выражаются у нас, простых смертных, только *verbo et facto*³⁴; и, таким образом, уважать свободу других говорить, слушать и выбирать обозначает также – уважать в той же мере свое собственное достоинство.

Но что больше всего поражает в Каваллери (и что некоторым, сколь бы это ни было невероятно, кажется проявлением истинного христианства) – это то, как он нанизывает, словно на шампур, утверждения, сочетающие глупость, ересь и богохульство, которые просто не могут не прогневить Бога. Глупость – это то, что моя высокая оценка тела для него не что иное, как «пережевывание гностицизма»; это от гностиков, считает наш мыслитель, идет моя идея о том, что биологические законы тела есть источник законов моральных. Каваллери, конечно, не обязан знать, что основной чертой гностицизма было умаление плоти и материи (в то время как добрые христиане веруют в воскресение плоти). Ладно, никто не совершенен (в том числе и гностики), правда, лучше бы Каваллери справился в энциклопедии «Гардзанти», прежде чем писать о чем он не знает. С другой стороны, его идея о соотношении души и тела, как это ни курьезно, имеет психосоматическое происхождение: он сам признает, что мои софизмы вызывают у него аллергию.

Обратимся к ереси: я нахожу воистину гностическим это нежелание считать тело божественным даром, этот страх, что законы биологии могут оказаться источником законов моральных. Приглашаю Каваллери подумать хорошенько еще раз над некоторыми из десяти заповедей. Откуда, спрашиваю я себя, родились запреты убивать, красть, предаваться порокам и лжесвидетельствовать? А еще есть запрет возжелать жену ближнего своего – и здесь начинается самое мерзкое из того, что написал Каваллери.

В то время как я открыто пишу, что изнасилование тоже представляет собой насилие над телом (и над свободой) другого, Каваллери комментирует: «Разве в изнасиловании не уважается тело другого? Тело может даже испытывать удовольствие, это душе наносится оскорбление». Здесь одно из трех: или Каваллери никогда не насиловали и мама не рассказала ему, что случается при этих обстоятельствах (кое-что похуже аллергии!); или он смотрит только

³⁰ Чезаре Каваллери (р. 1936) – главный редактор (с 1965 г. по сей день) ежемесячного журнала «Католическая учеба» («Studi Cattolici»), тесно сотрудничающий с организацией «Opus Dei».

³¹ «Эко ди Бергамо» («Бергамское эхо»; *ит.*) – бергамская газета; никакой связи с фамилией Эко здесь нет.

³² Доктор из Аквино – имеется в виду Фома Аквинский.

³³ Нам неизвестные (*лат.*).

³⁴ В словах и делах (*лат.*).

с точки зрения насильника, испытывающего удовольствие, и отождествляет себя только с ним, а не с изнасилованным; или, поскольку «изнасилованный» – это обычно «изнасилованная», он признает, что все женщины – шлюхи, что все изнасилованные в глубине души сами того хотели и этому радовались: потом достаточно исповедаться (им!), и аминь, уязвленная душа спасена.

Далее Каваллери (не будем уж говорить о том, что думающие подобным образом отправятся прямехонько в ад, потому что ад создается до сих пор – и как раз из подобных фантазий, порожденных ущербной злостью) цитирует несколько пассажей из «*Veritatis Splendor*»³⁵, в которых говорится о цельности человеческой личности и предостерегается, что эта цельность не должна сводиться к обычной биологической «норме». Но вместо того чтобы понимать этот призыв в его прямом смысле, т. е. что не нужно основывать этику на одних только наших телесных позывах и удовольствиях, он приводит заковыченную папскую цитату, показывая этим, что ничего он не понял: «Источником и обоснованием безусловного уважения человеческой жизни является достоинство человеческой личности, а не только естественное стремление сохранить собственную физическую жизнь». Тут-то становится ясно, что Каваллери прочитал все мои утверждения так, будто я хотел основать этику на моем эгоистическом праве говорить, мочиться, заниматься любовью (это право чего-то да стоит). Но я говорил о теле Другого – о том, которому Иисус заповедал не возвращать пощечину, возлюбить его и уважать его так же и (возможно) больше себя самого!

Об этой идее Каваллери даже не подозревает.

1993

³⁵ «*Veritatis Splendor*» («Сияние истины»; *лат.*) – энциклика Иоанна Павла II от 6 августа 1993 г., посвященная нравственным проблемам современного мира и роли в нем Католической церкви.

Политкорректность или нетерпимость?

В одной из предыдущих «картонок» я говорил, что *политкорректность*, появившаяся в Америке для того, чтобы защищать права подавляемых меньшинств, чтобы противостоять всякой расовой дискриминации, становится новым фундаментализмом. Любой фундаментализм, основанный на том, что Истина может существовать в одном-единственном виде, а все прочие – отклонения от нее, необязательно нетерпим (так что может даже не производить впечатления фундаментализма), но, безусловно, рискует сделаться таковым, изгоняя из общества тех, кто отклоняется от «генеральной линии».

Один мой друг, профессор американского университета, рассказал о таком случае. Он курит, а поскольку в университетских корпусах это запрещено, в перерыве между лекциями он выходит покурить наружу. Некоторые студенты тоже курят и тоже выходят. Они стоят вместе и болтают минут десять. Между прочим, сам я поступаю точно так же: мои лекции длятся два часа, между ними у меня есть десятиминутный перерыв, я выхожу в сад или на улицу выкурить сигарету и там сталкиваюсь со студентами, подверженными тому же ужасному пороку (который, разумеется, не делает мне чести – но так уж устроен мир).

Так вот, некоторые некурящие студенты нажаловались на моего американского друга декану: по их словам, проводя внеурочное время со студентами-курильщиками, он устанавливает с ними привилегированные отношения в ущерб некурящим студентам. Эти отношения нарушают правило, которое мы могли бы назвать *par condicio*³⁶, так что его поведение предосудительно. Как мы видим, речь в данном случае не идет об уважении прав меньшинства, некогда притесненного или потенциально притесняемого, а наоборот, – о защите большинства, или, скорее, беспокойстве, как бы не создать меньшинства, обладающего некоторыми преимуществами.

Нетрудно представить, как подобное беспокойство об уважении может породить ситуацию опасной нетерпимости по отношению к каждому. Например, можно ввести закон, вменяющий мне в обязанность жениться не на той, кого я люблю, а на той, кого мне назначат, – чтобы соблюдать права какого-нибудь национального меньшинства (то есть если десять китайок уже вышли замуж, я должен жениться на индианке или финке, но не на китайке, чтобы предоставить равные возможности каждому национальному меньшинству).

Одним из главнейших защитников радикального либерализма (отстаивающего права каждого, – например, того, кто предпочитает добровольно уйти из жизни) является Рональд Дворкин³⁷, который на прошлой неделе стал почетным доктором права Болонского университета. И свою лекцию он посвятил как раз проблеме академической свободы.

Учреждение университета (кстати, в Средневековье «Университет» значило именно Болонский университет) стало огромным событием, потому что установило необходимость существования образовательной институции, которая не только независима от политических и религиозных властей, но и каждый преподаватель в ней идеологически независим от самого университета. Революционная идея, послужившая прогрессу западной науки.

Но с наступлением политкорректности эта свобода подвергается сомнению. Преподавателю английской литературы предлагается не делать отдельный курс по «Отелло», потому что фигура Мавра, ревнивца и убийцы, может оскорбить незападных студентов. Не говоря уж о «Венецианском купце» – по той очевидной причине, что в этой трагедии Шекспир не свободен от определенного бытового антисемитизма (как бы ни был изумителен Шейлок). Но мало того: прямо-таки нежелательно делать курс по Аристотелю, потому что тем самым высказы-

³⁶ Равные условия (*лат.*).

³⁷ Рональд Дворкин (р. 1931) – американский философ, специалист в области философии права.

вается небрежение к философии и мифологии какой-нибудь африканской народности (чьи потомки посещают университет).

Правильно и полезно изучать и Аристотеля, и мифологию догонов³⁸ – это обсуждению не подлежит. Но, к сожалению, политкорректность наказывает сегодня того, кто преподает Аристотеля, и поощряет того, кто преподает догонские мифы, что является такой же формой фанатизма и фундаментализма, как и та, которая внушает, что Аристотель – это воплощение человеческого разума, а мифы догонов были просто выражением первобытного мышления.

Конечно, университету, как и всей образовательной системе, следует найти место всем точкам зрения (и поэтому я давно убежден, что хорошая школа должна рассказывать, что говорится в Ветхом Завете, что говорят Евангелия, Коран и буддистские веды). Но запрещать кому-либо говорить о Библии (которую он хорошо знает) только потому, что такой дискурс исключает Коран, – это опасная форма нетерпимости, замаскированной под уважение к различным точкам зрения.

1997

³⁸ *Догоны* – народность в Республике Мали. Тщательно разработанная космогоническая мифология догонов оказалась в XX в. предметом пристального интереса этнографов, а также уфологов и сторонников теории палеоконтактов с внеземными цивилизациями.

Об одном процессе

Ревизионисты, отрицающие Холокост, прибегают к многочисленным аргументам, чтобы дискредитировать каждое имеющееся свидетельство. Сейчас, пока я это пишу, идет обсуждение диссертации по семиотике, посвященной ревизионистской логике, и от соискательницы требуют не высказывать собственных убеждений по поводу реальности Холокоста и уж тем более не выносить суждений относительно «подлинности» документов, предъявляемых одной или другой стороной (это задача историков); диссертация долж на только выявлять логические построения, которые используются ревизионистами при изучении определенных документов или свидетельств³⁹.

Приведу только два типичных аргумента. Отрицающие Холокост пытаются доказать, что дневники Анны Франк – фальшивка (основываясь на том очевидном факте, что они подвергались редактированию). И одна из основных их «опорных точек» состоит в следующем: скрывавшимся в доме на Принсенграхте приходилось сжигать свои отходы – и черный дым из печной трубы должен был привлечь внимание соседей, о чем они могли бы сообщить в гестапо. Невероятно, чтобы никто не заметил дыма. Железный аргумент, подтверждающий, что дневники повествуют о том, чего не было; но в действительности здесь не учитывается один факт, а именно: кто-то действительно заметил и сообщил в гестапо, так что, хоть и с некоторой задержкой, несчастные были обнаружены.

Второй аргумент. Свидетель, выживший в концентрационном лагере, говорит, что в Треблинке горы одежды достигали 35–40-метровой высоты. Ревизионисты заявляют, что гора такой высоты – все равно что пятнадцатизэтажное здание, и одежду нельзя сложить в такую кучу без подъемного крана, и диаметр этой кучи был бы невероятный – около 140 метров, при площади основания в 4805 квадратных метров. Для такой горы просто не оказалось бы места в лагере, и поэтому, делают они вывод, свидетельство ложно.

Аргумент, безукоризненный математически, слаб риторически, потому что не учитывает того, что всякий (особенно тот, кто только что пережил кошмарный опыт или, еще хуже, вспоминает о нем спустя какое-то время) имеет склонность к *гиперболизации*.

³⁹ Сейчас издана отдельной книгой: *Valentina Pissanty. L'irritante questione delle camere a gas* («Болезненный вопрос о газовых камерах»). Milano: Bompiani, 1998. (Прим. автора.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.